

История идей

Владимир Глебкин

ПРОБЛЕМА МЫШЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ*

Два «идеальных типа» понимания мышления

Среди множества разнообразных подходов к описанию мышления можно выделить два базисных «идеальных типа»: классический философский и психологический. В современных когнитивных исследованиях «чистые» варианты встречаются сравнительно редко, можно лишь говорить о доминировании одной из указанных моделей.

Философский тип понимания мышления

В рамках классической философской традиции мышление прочно связывается с идеальным миром. Процесс мышления предстает в ней либо как интуитивное постижение идеальных структур, либо как осуществление над ними дискурсивных операций. «Мыслить» здесь фактически означает – «оперировать с понятиями», поэтому понятийное мышление становится синонимом мышления в целом. Мышление представляет собой деятельность души или ума, и тело не принимает участия в когнитивных актах. Животные не обладают способностью мыслить, это – прерогатива человека.

Психологический тип понимания мышления

С точки зрения идеально-типической психологической модели мышление понимается как решение задач в ситуации, обладающей определенной степенью новизны по отношению к предшествующему опыту, и здесь понятийное мышление оказывается лишь одной из форм наряду с наглядно-действенным, образным и др. Мышление происходит в непрерывном контакте с внешней средой, и тело играет активную роль в когнитивных процессах. Животные тоже мыслят, и хотя их когнитивные способности отличаются от когнитивных способностей человека, никакого качественного разрыва между ними и человеком нет.

Отмеченное различие в подходах почти никогда не становится предметом рефлексии, что ведет к методоло-

* Статья продолжает статью В.В. Глебкина «Проблема мышления в философии», опубликованную в журнале «Развитие личности» (2007. № 2. С. 162–193).

Социокультурные
основания
философских
представлений
о мышлении

гической эклектике при проведении конкретных экспериментальных исследований и существенно усложняет возможность междисциплинарного диалога*.

В отличие от психологической парадигмы, в значительной степени опирающейся на экспериментальный материал, философское понимание когнитивных процессов вырастает не из данных наблюдений, а из определенных социокультурных установок. Это, в первую очередь, характерные для древних греков представления о свободе (*ελευθερία*) и связанное с ними противопоставление интеллектуальной и политической деятельности, естественной для свободных, физическому труду, органичному для рабов. Философское осмысление этих оснований приводит к оппозиции идеального и материального мира, а также души (*ума*) и тела в платонизме и, отчасти, у Аристотеля, что порождает представления о мышлении как об идеальном процессе, в котором не участвуют тело и материальное окружение. Далее базовая философская модель отрывается от породившей ее социокультурной почвы и начинает восприниматься как атрибут философского взгляда на мир, т.е. получает цеховой характер, оказывая при этом существенное влияние и на другие области знания, в частности, на психологию.

* Различие в подходах и сложности междисциплинарного диалога удачно иллюстрирует появившаяся в семидесятые годы коллективная монография «Развитие сознания», написанная по итогам междисциплинарного семинара, посвященного проблеме эволюции сознания и мышления (хотя со времени публикации монографии прошло больше тридцати лет, сейчас ситуация принципиально не изменилась). Особенно интересна здесь полемика между философом А. Кенни и биологом С. Уоддингтоном по этому вопросу [1]. С точки зрения А.Кенни, интеллектуальная деятельность – это деятельность, включающая в себя операции с символами: осмысленная речь, решение математических задач, рисование портрета. Критерием наличия разума у живого существа является осмысленное использование им речи. Животные не обладают способностью к осмысленной речи, поэтому они не обладают разумом [2].

С. Уоддингтон в соответствии с эволюционистской парадигмой связывает деятельность разума с выработкой ответов на вызовы внешней среды. Разум, с его точки зрения, возникает там, где такой вызов допускает несколько возможных вариантов ответа, где появляется выбор из нескольких альтернатив. При таком подходе можно говорить о сознании уже у низших животных, у которых его носителем становится нервная система [3]. Мы видим, что в позиции С. Уоддингтона оказывается снятой и традиционная для европейской философии субъект-объектная оппозиция (сознание не самодостаточно, оно – ответ на вызов внешней среды) и противопоставление между человеком и другими живыми существами. Здесь выстраивается единая линия эволюции. Мышление в предложенной схеме можно обозначить как решение задач, предлагаемых человеку окружающим его миром.

Проблема поиска
своего языка
в психологии
мышления

Основная методологическая проблема психологии мышления, о которой пойдет речь в данной статье, непосредственно вытекает из сказанного выше. Побуждаемые разнообразным экспериментальным материалом к иному, чем это принято в классической философской традиции, представлению о мышлении, и те, кого принято называть «классиками мировой и отечественной психологии», и основная масса современных психологов используют разработанный в рамках этой традиции язык, часто превращающийся для них в прокрустово ложе. Поиск своего языка, адекватного описываемой реальности, – пожалуй, один из самых захватывающих сюжетов современной психологии мышления^{*}. Как мы увидим, подобный поиск осуществляется в двух направлениях. Во-первых, он связан с обращением к оппозиционным рационализму идеям и понятиям европейской философии, во-вторых, с терминологическим откликом на параллельные процессы в других областях современной науки.

Ограничимся в этой статье кратким анализом трех влиятельных психологических школ, для которых проблема мышления была одной из ключевых (гештальт-психология, генетическая психология Ж. Пиаже, культурно-историческая психология), и покажем на отдельных примерах, как выдвинутые идеи и разработанный понятийный аппарат развиваются в когнитивной психологии последних десятилетий, а также, более широко, в каких системах координат современные когнитивные психологи описывают получаемые ими экспериментальные результаты.

Трактовка процесса мышления в гештальт-психологии

Гештальт-психология – философски ориентированная психологическая школа

Гештальт-психология – пожалуй, одна из наиболее философски ориентированных психологических школ, поэтому влияние философской традиции ощущается в ней очень отчетливо. Основной тезис гештальт-психологов можно сформулировать в виде известной философской максимы о том, что целое больше совокупности составляющих его частей. И основатель школы М. Вертгеймер, и его коллеги К. Коффка и В. Келер, и внесший позднее значительный вклад в гештальт-психологию К. Левин в своих экспериментах пытались показать, что восприятие целого не сводится к восприятию отдельных частей, но, наоборот, предопределяет их

* Можно сказать даже, что и всей психологии в целом.

восприятие как частей целого. Любой элемент существует всегда не сам по себе, а как часть некоторой структуры. Переход от изучения отдельных элементов к изучению структур и законов восприятия структур, подчиненных таким характеристикам, как устойчивость, равновесие, симметрия, – важнейший элемент работ гештальт-психологов. Восприятие целого, с их точки зрения, сопровождается интуитивным озарением, инсайтом. Природа интуитивного озарения, способы его описания, выяснение условий инсайта и путей к нему составляют ядро разработок гештальт-психологов и в области психологии восприятия, и в области психологии мышления.

Философские корни
ключевых терминов
гештальт-психологии

Следует отметить, что понятие инсайта имеет непосредственные основания в оппозиции интуитивного и дискурсивного познания, отчетливо сформулированной в античности и позднее развитой в средневековой философии (*νοῦς* и *διάνοια* в греческой, *intellectus* и *ratio* в латинской традиции)*. В рационалистической философии нового времени когнитивные процессы, связанные с интуитивным постижением истины, отходят на второй план, поэтому и в терминологическом, и в концептуальном оснащении работ гештальт-психологов мы можем увидеть следы философских подходов, получивших в XVIII–XIX вв. статус маргинальных.

Изучение интеллекта у животных
В. Келером

Переходя к иллюстрации сделанных утверждений, имеет смысл начать с работ В. Келера по изучению интеллекта человекообразных обезьян [4]. Наблюдаемые в его исследованиях шимпанзе решали практические задачи по добыванию отделенного от них препятствием банана, действуя не методом проб и ошибок, но осмысленно избирая нужную стратегию. Выявили условия, при которых поведение шимпанзе приобретает осмысленность. В. Келеру удалось обнаружить, что стратегия становится осмысленной при появлении всех необходимых для решения задачи инструментов в одном с шимпанзе оптическом поле, и возникает это решение не как результат «рационального» выбора оптимальной стратегии, а как озарение после серии эмоционально переживаемых неудач. Обозначим важные для нас следствия работ В. Келера: невербальная природа интеллек-

* Напомним, что сначала за *νοῦς* и *νοεῖν* стоит представление об особом, наиболее важном знании, влагаемом в человека богами. Это знание не требует дискурсивного анализа, поэтому процесс мышления, выражаемый *νοῦς* и *νοεῖν*, представляет собой акт интуитивного озарения, он симультанен, а не растянут во времени. Подробнее см. предыдущую статью «Проблема мышления в философии».

«Продуктивное мышление»
М. Вергеймера

та и наличие простейших его форм у животных, мгновенный характер озарения, не объяснимого с помощью рационального анализа предшествующего опыта, подчиненность мышления оптическому полю, структурирующему ситуацию [5]*.

Другие важные для нас результаты сформулированы в работе М. Вергеймера «Продуктивное мышление» [7]. Автор начинает с критики двух концепций мышления, главенствующих в психологической науке: формально-логической и ассоционистской. Первая понимала под мышлением умение правильно осуществлять формально-логические операции, делать выводы из заданных посылок (дедуктивная логика), или, наоборот, делать обобщения из набора эмпирических данных (индуктивная логика). Вторая трактовала мышление как цепочку идей или, в выработанных психологией терминах, связь стимулов и реакций или элементов поведения. «Идея» в классической ассоциативной теории является чем-то вроде следа ощущения, в более современных терминах – копией, следом стимулов. Каков основной закон следования, связи этих элементов? Ответ – подкупающий своей теоретической простотой – таков: если два предмета *a* и *b* часто встречаются вместе, то последующее предъявление *a* вызовет в субъекте *b*. Эти элементы связаны между собой, в сущности, так же, как номер телефона моего знакомого связан с его именем, или как связаны между собой бессмысленные слоги в экспериментах по заучиванию серий таких слогов, или как связано слюновыделение у собаки с определенным звуковым сигналом» [8]**.

Творческий характер мышления

М. Вергеймер критикует оба предложенных подхода, говоря, что они не раскрывают творческого характера мышления. Мышлением в их рамках может обладать и машина, приходящая к решению простым перебором вариантов, они не дают возможности разделить правильные, ведущие к решению и холостые ходы мысли. На примере обучения геометрии М. Вергеймер по-

* При этом В. Келер подчеркивал принципиальный разрыв в мышлении обезьян и человека, связанный с отсутствием у первых языка и культуры [6]. Эксперименты В. Келера получили активное развитие в современной приматологии, которой достигнуты впечатляющие результаты. Анализ этих результатов и предлагаемых приматологами интерпретаций будет проведен ниже.

** За указанными подходами стоят две уже обозначенные в предыдущей статье философские позиции: аристотелевская и гоббсовско-юмовская, т.е. изначально интерпретации психологов воспроизвели «близко к тексту» базовые философские интерпретации.

казывает различие между механическим мышлением, ориентированным на воспроизведение предлагаемых схем, и продуктивным, ведущим к пониманию глубинных принципов организации решения, сохраняемых при разнообразных вариациях условия. Главным в предлагаемом им подходе является понятие структуры целого, определяющей восприятие отдельных частей. Тогда процесс продуктивного мышления будет представлять собой «переход от совокупности отдельных элементов поверхностной структуры к объективно лучшей или адекватной структуре» [9]. В процессе такого мышления крайне важна процедура центрирования. «Центрирование – то, как мы рассматриваем части, отдельные элементы ситуации, их значение и роль по отношению к центру, сути или корню – является наиболее важным фактором в мышлении» [10].

Процесс постижения правильной структуры

Еще одно важное положение М. Вертгеймера – описание процесса постижения правильной структуры. Его исследования, опирающиеся, в частности, на анализ творческого процесса выдающихся ученых, показали, что мышление совсем не обязательно вербально по природе, в нем участвует весь человек, его зрительные, слуховые, моторные ассоциации [11]. Позднее этот аспект был изучен в работе Ж. Адамара «Исследование психологии процесса изобретения в области математики» [12]. В результате исследования Ж. Адамар пришел к выводу, что процесс открытия и изобретения не носит строго рационального характера и не подчиняется никаким логическим схемам. Он обладает сложной структурой, и большое значение в нем имеют бессознательные механизмы.

«Ноги – колеса мысли»

Этот процесс начинается с фазы рациональных размышлений, которые запускают «лавину бессознательного» (стадия подготовки). Затем «атомы бессознательного», которые до этого находились в покое, приходят в движение и образуют бесчисленные комбинации, которые выражаются в моторных, зрительных, слуховых образах. Исследователь оказывается в состоянии внутреннего напряжения, плохо описываемого в рациональных терминах. Для некоторых этот процесс требует физического движения (Ж. Адамар цитирует здесь слова Э. Ожье: «Ноги – колеса мысли»)*. Затем следует инку-

* Интересен приводимый Ж. Адамаром ответ А. Эйнштейна на вопрос о роли слов в процессе мышления: «Слова, написанные или произнесенные, не играют, видимо, ни малейшей роли в механизме моего мышления. Психологическими элементами мышления являются некоторые, более или менее ясные, знаки или образы, которые могут быть «по желанию» воспроизведены и скомбинированы. >>

бация, приводящая к озарению, мгновенный спонтанный акт понимания, происходящий часто в самый неожиданный момент: на подножке трамвая, на прогулке, во время работы на огороде... И лишь последний этап – выражение этого уже предельно отчетливого состояния понимания на привычном для всех языке, с помощью знаков и символов.

В предложенном описании мы видим достаточно существенные расхождения с характерной для философской традиции оппозицией тела и духа, задающей доминирующую идеалистическую и «диссидентскую» материалистическую трактовки процесса мышления*.

Трактовка процесса мышления в генетической психологии Жана Пиаже

Многие идеи гештальт-психологии находят свою аналогию и дальнейшее развитие в концепции интеллекта Ж. Пиаже. Сформулируем основные идеи предложенного им подхода.

«Логика – зеркало мышления»

А) Формально-логический подход к мышлению, опирающийся на представление о мышлении как отражении законов логики, некорректен. Связь между логикой и психологией мышления, скорее, обратная: логика представляет собой аксиоматику, идеальную аппроксимацию реального мышления, никогда не реализующуюся в чистом виде. Ж. Пиаже говорит, что «логика является зеркалом мышления, а не наоборот» [15].

«Вербальное поведение – это действие»

Другое проявление такой инверсии – соотношение между вербальным поведением и действием. «Вербаль-

>> Существует, естественно, некоторая связь между этими элементами и рассматриваемыми логическими концепциями. Ясно также, что желание достигнуть в конце концов логически связанных концепций является эмоциональной базой этой достаточно неопределенной игры в элементы, о которых я говорил. Но с психологической точки зрения эта комбинационная игра, видимо, становится основной характеристикой творческой мысли – до перехода к логическому построению в словах или в знаках другого типа, с помощью которых эту мысль можно будет сообщить другим людям.

Элементы, о которых я только что говорил, у меня бывают обычно визуального или двигательного типа. Слова или другие условные знаки приходится подыскивать (с трудом) только во вторичной стадии, когда эта игра ассоциаций дала некоторый результат, и может быть при желании воспроизведена» [13].

* Представление о понятии как целостности, в восприятие которой включен весь человек, развивается в работах М.А. Холодной [14]. В частности, она показывает, что в психической структуре понятий с высокой и максимально высокой степенью общности значимым составным элементом являются чувственно-сенсорные образы. Этот факт хорошо соотносится с данными Ж. Адамара.

ное поведение — это действие, пусть сокращенное и интериоризованное, некий эскиз действия, который даже рискует постоянно оставаться в состоянии проекта, но это все равно действие, которое просто замещает вещи знаками, а движения — их восстановлением в памяти, и которое функционирует в структуре мышления при помощи этих посредников. Пренебрегая этим действенным аспектом вербального мышления, интроспекция не видит в нем ничего, кроме рефлексии, рассуждения и понятийного представления; отсюда возникают как иллюзия интроспективных психологов, сводящая интеллект к этим привилегированным конечным состояниям, так и иллюзия логиков, согласно которой наиболее адекватной логической схемой является, по существу, теория высказываний» [16].

Логическое мышление операционально

Б) Такое утверждение ведет к необходимости вывода законов логики и простейших логических операций из анализа когнитивных структур, а когнитивных структур — из анализа непосредственных действий*. Ж. Пиаже утверждает, что «основное свойство логического мышления состоит в том, что оно операционально, т.е. продолжает действие, интериоризируя его» [17]. Система логических операций вырастает из повседневной практики классификации, упорядочивания в пространстве и во времени, сравнения, выражаемой Ж. Пиаже в понятии «группировка». В позднейших исследованиях («Генезис числа у ребенка», «Генезис элементарных логических структур. Классификации и серии») Пиаже показывает, как в процессе обретения практического опыта оперирования с материальными объектами у ребенка формируется представление о сохранении величин и инвариантности множеств, о поэлементном количественном и порядковом соответствии, об аддитивных и мультипликативных композициях и т.д.

Несводимость целого к частям

В) Одна из важнейших идей Ж. Пиаже здесь — стремление преодолеть «логический атомизм». «Операцию разума можно сравнить с простым действием только при условии, что она рассматривается изолированно. Но спекуляция на изолированных операциях — это как раз и есть основная ошибка эмпиристских теорий «психического опыта»: единичная операция не является операцией, а остается на уровне простого инту-

* Методологически Пиаже следует здесь за Кантом: законы логики таковы не потому, что это их объективное свойство, а потому, что таков человек, который мыслит этими законами (если бы человек был устроен по-другому, то и законы, вероятно, были бы иными).

итивного представления. Специфическая природа операций, если их сравнивать с эмпирическими действиями, заключается, напротив, в том, что они никогда не существуют в дискретном состоянии. Об «одной» операции мы можем говорить только в результате абсолютно незаконной абстракции: единичная операция не могла бы быть операцией, поскольку сущность операций состоит в том, чтобы образовывать системы... если обычные логические схемы не позволяют увидеть такие системы, то нужно построить логику целостностей» [18]. Приводимые здесь формулировки, как мы видим, аналогичны идеям М. Вертгеймера о несводимости целого к частям, о необходимости рассматривать объект во всей полноте окружающих его контекстов. Ж. Пиаже подчеркивает, что никакая точка не существует сама по себе, но только в общей структуре, на общем фоне. Несколько точек воспринимаются как фигура по законам устойчивых структур. Перцептивное поле сопоставимо с силовым полем физики. Воспринимаемая форма – наиболее простая, соответствующая структуре поля. «Хорошая форма» способна к транспозиции, как мелодия [19].

Связь мышления и восприятия: идея равновесия

Г) Установка на приоритет целого приводит Ж. Пиаже и к снятию пропасти между мышлением и восприятием, представляющими собой различные аспекты взаимодействия человека с его природным и социокультурным окружением. Ключевой для Ж. Пиаже при обозначении отличия интеллекта от восприятия является идея равновесия. «Интеллект – это определенная форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, навыка и элементарных сенсомоторных механизмов» [20]. В отличие от актов интеллекта структуры восприятия необратимы. В перцептивной структуре целое не равно сумме частей. Это связано с ролью случайности в перцепции. Случайность разрушает обратимость.

Допонятийная интеллектуальная деятельность и понятийное мышление

Д) Ж. Пиаже признает наличие допонятийных форм интеллектуальной деятельности и устанавливает как связь между ними и понятийным мышлением, так и существенные различия в структуре когнитивного акта. Ввиду показательности этих рассуждений Ж. Пиаже для демонстрации механизма согласования вошедших в плоть европейской культуры философских аксиом с экспериментальным материалом приведу здесь значительный фрагмент его работы: «Во-первых, функция актов сенсомоторного интеллекта состоит единственно в том, чтобы координировать между собой по-

следовательные восприятия и последовательные реальные движения; при этом сами эти акты могут образовывать только последовательности состояний, связываемых посредством кратких предвосхищений и восстановлений в памяти, но никогда не могут сами по себе привести к образованию представлений целого; эти последние образуются только при условии, что мышление выразит состояния как одновременные и, следовательно, абстрагирует их от действия, развертывающегося во времени. Иными словами, сенсомоторный интеллект представляет собой как бы пленку, полученную при замедленной съемке: на ней можно увидеть последовательно все картины, но отдельно, по очереди, следовательно, без одновременного связного видения, необходимого для понимания целого.

Во-вторых, акт сенсомоторного интеллекта направлен лишь на практическое удовлетворение, т.е. на успех действия, а не на познание как таковое ... и если в нем все же устанавливается причинная связь, классификация или констатация чего-то, это преследует только субъективную цель, далекую от поиска истины. Сенсомоторный интеллект является, таким образом, интеллектом просто «пережитым», а отнюдь не рефлексивным.

Что касается области его применения, то сенсомоторный интеллект «работает» только на реальном материале, поэтому каждый из входящих в него актов ограничен лишь очень короткими расстояниями между субъектами и объектами. Конечно, он способен к отклонениям и возвратам, но речь всегда идет лишь о реально осуществленных движениях и реальных объектах. От этих коротких расстояний и этих реальных путей освободится только мышление в его стремлении охватить весь окружающий мир в целом, вплоть до невидимого и подчас даже непредставляемого: именно в этом бесконечном расширении пространственных расстояний между субъектом и объектами и состоит основное новшество, создающее собственно понятийный интеллект, и то особое могущество, которое делает этот понятийный интеллект способным порождать операции» [21].

Прежде всего, отметим, что утверждение Ж. Пиаже о развернутом во времени характере действий сенсомоторного интеллекта и simultанности интеллекта понятийного не может вытекать из опыта (сложно придумать эксперимент, который бы его проверял), и не является столь очевидным, как это может показаться на первый

Философские
истоки идей
Ж. Пиаже

взгляд^{*}. В приведенном рассуждении можно заметить следы уже упомянутой философской традиции противопоставления интуиции и дискурсивного мышления, подвергшейся определенной трансформации (у Платона статус интуиции выше, однако понятийное мышление (например, мышление геометров) дискурсивно).

Во-вторых, в тексте Ж. Пиаже явно заметен приоритет теоретической деятельности, «поиска истины», по отношению к практической деятельности, преследующей «только субъективную цель». Эта ценностная позиция, влияющая на интерпретацию экспериментальных данных, опять же имеет основание в античной философии и находит прямые аналогии в философских установках феноменологов^{**}. Подобный интеллектуализм проявляется и в описании стремления понятийного интеллекта «охватить весь окружающий мир в целом», в его способности бесконечного расширения «пространственных расстояний между субъектом и объектами». Эта позиция, в данном случае явно не отрефлексированная Ж. Пиаже, порождает массу вопросов: что имеется в виду под «окружающим миром в целом», какова его структура^{***}; всегда ли понятийное мышление воспринимает мир «с высоты птичьего полета», или оно тоже может быть ограничено «очень короткими расстояниями между субъектами и объектами»; кто обладает «понятийным мышлением» – любой взрослый человек, принадлежащий теоретической культуре, или ученый, занимающийся особым типом интеллектуальной деятельности?

Категориальный
каркас современной
психологии
мышления

Работы Ж. Пиаже важны для нас потому, что они породили множество последователей и критиков (см.: [25]), задав тем самым поле базовых идей и категориальный каркас, существенно повлиявших на осмысление своих задач современной психологией мышления. Как мы видели, этот категориальный каркас характеризуется не всегда осознанной и не всегда органичной для интерпретации экспериментов опорой на античную

^{*} Так, если использовать терминологию Ж. Пиаже, интеллект шимпанзе в опытах В. Келера явно носит сенсомоторный характер, однако момент решения ими задачи описывается исследователем в терминах инсайта, т.е. симультанного озарения.

^{**} Они отчетливо сформулированы, например, в поздних работах Э. Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», «Кризис европейского человечества и философия» (см.: [22]). См. об этом [23].

^{***} Здесь мы сразу попадаем в поле проблем, заданных первой антиномией И. Канта. См.: [24].

философскую традицию с акцентом на идеях, ставших маргинальными в культуре Нового времени. В целом, ситуация здесь напоминает процессы, происходящие в гештальт-психологии.

Взгляды на мышление в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского

«Мышление и речь»
Л.С. Выготского

Важный вектор в формировании идейного и категориального аппарата современной психологии мышления составляют работы Л.С. Выготского и его школы. Не проводя здесь детального анализа эволюции взглядов самого Л.С. Выготского и позиций его учеников, имеет смысл проанализировать в избранном нами ракурсе ставшую уже хрестоматийной и получившей мировую известность работу Л.С. Выготского «Мышление и речь» [26]. Напомним основные идеи работы.

Инструментальное
и речевое мышле-
ние

1.1. Мышление и речь имеют разные генетические корни, что показано, в частности, в опытах В. Келера. Инструментальное мышление у приматов представляет собой решение ситуационных задач и определяется ситуационным оптическим полем, а речь связана с выражением эмоций. Ни в одном из известных экспериментов животные не использовали слова как знаки.

1.2. Инструментальное, техническое мышление человека тоже крайне слабо связано с речью. Для выполнения простейших инструментальных операций человеку не нужно создавать вербальный образ действия. «Отношение мышления к речи в этом случае можно было схематически обозначить двумя пересекающимися окружностями, которые показали бы, что известная часть процессов речи и мышления совпадает. Это так называемая сфера речевого мышления. Но речевое мышление не исчерпывает ни всех форм мышления, ни всех форм речи» [27].

Речь как выраже-
ние эмоций

2.1. Речевое мышление также очень неоднородно по своей структуре. «Речь» младенца так же, как и «речь» животного есть, прежде всего, выражение эмоций, позднее слово воспринимается ребенком как один из атрибутов предмета, жестко связанных с ним (таких как цвет, форма и т.д.), а затем наступает период «мышления в комплексах».

«Мышление
в комплексах»

2.2. Мышление в комплексах – чрезвычайно важный не только для детей, но и для представителей традиционных культур тип мышления, который можно охарактеризовать наличием «ближнего порядка», т.е. упорядоченности в непосредственной пространственной или временной близости от происходящего действия, и

Развитие понятийного мышления и ЗБР

отсутствием «дальнего порядка», т.е. упорядоченности на значительном удалении от него*. Мышление данного типа характеризуется отсутствием понятийной сетки, при которой каждое слово получает жестко определенную понятийную ячейку, становясь понятием. Вместо этого есть лишь комплекс, задаваемый случайным набором связей, сформированных различными ассоциативными линиями.

2.3. В процессе развития мышления в понятиях можно выделить два противоположных потока: поток от абстрактного к конкретному (здесь речь идет о научных понятиях, структура которых ясна, но отсутствует опыт их конкретного применения) и поток от конкретного к абстрактному (бытовые понятия, для которых есть опыт повседневного употребления, но нет четкого ощущения их структуры и связи между собой). Кардинальную роль в этом процессе играет учитель, определяющий стратегию формирования мышления в понятиях у ученика. Ключевое понятие здесь у Л.С. Выготского – «зона ближайшего развития», т.е. та совокупность понятий и операций с ними, которые ребенок может освоить при помощи взрослого. Переход знаний и умений из потенциального состояния в актуальное и есть развитие.

Произвольность понятийного мышления

3. Важнейшей характеристикой освоения понятия является осознанность его использования, умение правильно применять его вне зависимости от контекста. Уровень понимания понятия характеризуется степенью произвольности употребления.

Интериоризация речи

4. Главным промежуточным звеном в системе «мысль – слово» является внутренняя речь. Эта речь характеризуется особым синтаксисом, принципиально отличающим ее и от обычной устной речи, и, в еще большей степени, от письменной: сокращением подлежащих и всех членов, связанных с ними, при сохранении сказуемых; идиоматизмом; превалированием смысла над значением, исчезновением фонетической структуры. Она формируется как интериоризация речи, развернутой вовне, в процессе социального развития индивида, проходя промежуточную стадию эгоцентрической речи.

Значение слова – «молекула» анализа речевого мышления

5.1. Анализ речевого мышления должен строиться не на разложении целого на части, не имеющие свойств целого (мышление и речь), а путем выбора для анализа «молекулы», сохраняющей свойства целого. Такой «молекулой» является значение слова. Значение слова зависит от контекста, наполняясь в нем многообразными до-

* Ср. с трактовкой сенсомоторного интеллекта у Ж. Пиаже.

Аффективно-
волевая подоплека
мысли

полнительными смыслами (так название «Мертвые души» в сжатом виде содержит все содержание поэмы Н.В. Гоголя). Словарная статья раскрывает лишь наиболее устойчивую часть в семантике слова, от которого конкретное значение может весьма существенно отличаться.

5.2. Существуют мысли, которые нельзя выразить словами. Конечно, выражение в слове проясняет мысль, однако «что-то» существует и до слова. Отсюда и «мысль изреченная есть ложь». «Мысль всегда представляет собой нечто целое, значительно большее по протяжению и объему, чем отдельное слово. Оратор часто в течение нескольких минут развивает одну и ту же мысль. Эта мысль содержится в его уме как целое, а отнюдь не возникает постепенно, отдельными единицами, как развивается его речь. То, что в мысли содержится симультанно, в речи развертывается сукцессивно. Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов. Поэтому процесс перехода от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее воссоздания в словах... Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее «почему» в анализе мышления. Если мы сравнили выше мысль с нависшим облаком, проливающимся дождем слов, то мотивацию мысли мы должны были бы, если продолжить это образное сравнение, уподобить ветру, приводящему в движение облака. Действительное и полное понимание чужой мысли становится возможным только тогда, когда мы вскрываем ее действительную, аффективно-волевою подоплеку» [28].

Истоки идей
Л.С. Выготского
в русской культуре
XX века

Переходя к анализу базовых идей, определяющих концептуальный каркас и методологию исследований в заданном Л.С. Выготским направлении, хотелось бы прежде всего остановиться на последнем абзаце. Рождение мысли из мотивирующей сферы сознания, подчинение ее аффективной и волевой составляющим – это утверждение задает разрыв с классической философской интерпретацией мышления и отличает позицию Л.С. Выготского от подхода Ж. Пиаже и взглядов гештальт-психологов. Нельзя считать его и реакцией на данные наблюдений, скорее, оно само задает направление последующей экспериментальной работы. Пожа-

Идея развития мышления и ее истоки

Родовые черты идеально-типических представлений о мышлении в психологии

луй, средой, в которой оно зарождается, можно назвать русскую культуру начала XX века. Русские философы этого периода* в силу известных исторических причин не воспринимали западную философию Нового времени как очевидную данность, которой обучают в университете, и в целом мыслили вне рамок этой данности, хотя и постоянно соотносясь с ней. Это касается и их прочтения античных и христианских текстов. Пусть оно носило скорее метафорический, чем системный характер, сформулированные общие идеи после их рационализации в конкретных науках оказались крайне продуктивными и, следует отметить, повлияли на западную научную традицию**. Не случайно и в представлениях о «внутренней речи»***, и в описании соотношения волевой и когнитивной составляющей мы узнаем черты средневековой философии****.

Еще одна важная идея Л.С. Выготского, имеющая свой аналог у Ж. Пиаже, – идея развития. Для европейской философии не характерны представления об эволюционном характере мышления, обычно она рассматривает его как некую данность и не допускает возможности качественной эволюции когнитивного акта со временем. Здесь Л.С. Выготский разрывает с традиционным философским подходом. В идее развития у Л.С. Выготского обычно видят влияние марксизма, однако правильное в данном случае, наверное, говорить о еще одном спектре возможностей, задаваемых русской культурой второй половины XIX – начала XX века. Можно показать, что и идея развития, и представление о человеке как социальном существе составляют в этот период важный мотив в мировоззрении различных идеологических групп, формируя, в частности, систему координат, в которой происходит восприятие марксизма.

Прежде чем переходить к описанию современной ситуации, имеет смысл еще раз обозначить родовые черты представлений о мышлении, характерные для идеально-типической психологической модели:

* В первую очередь В.С. Соловьев, но также и П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев, Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин и др.

** Наряду с Л.С. Выготским в психологии в этом ряду можно упомянуть М.М. Бахтина в литературоведении, П.Сорокина в социологии и др.

*** О связи концепции «внутренней речи» со средневековыми моделями *verbum mentis* или *vox animae* см. предыдущую статью.

**** Сомнительно, что марксист Л.С. Выготский был знаком со средневековыми текстами непосредственно, но эпоха, в которую он сформировался как ученый, осмысляла себя в постоянном диалоге с ними.

Мышление представляет собой деятельность по решению задач, которые ставит перед человеком окружающая его среда, это – реакция на «вызов» среды, предполагающая сложную систему взаимодействий с ней. Оно возникает там, где задача допускает неоднозначное решение, где появляется выбор из нескольких возможностей. Мышление всегда происходит в сложном диалоге субъекта и объекта и невозможно вне этого диалога.

Мышление прочно связано с восприятием, а также с волевой и аффективной составляющей. Даже при решении наиболее абстрактных теоретических проблем крайне важным оказывается опыт тела.

Простейшие формы так называемого инструментального мышления (Л.С. Выготский), сенсомоторного интеллекта (Ж. Пиаже) присутствуют уже у животных. В этом смысле человек не отделен непроходимой пропастью от других живых существ. Однако человек оказывается способным в процессе мышления преодолевать зависимость от различных ситуационных полей и включаться в значительно более широкие смысловые контексты.

Эклектика в современной психологии мышления: соединение философской и психологической парадигм

Эклектическое
соединение
философской
и психологической
парадигм

В значительном числе современных работ по психологии мышления заметно неотрефлексированное, эклектическое соединение философской и психологической парадигм. Не рассматривая здесь крайние случаи, характерные, например, для американской когнитивной психологии, когда в качестве базовой модели описания предлагается информационная модель, прямо отсылающая к примитивному механицизму XVII–XVIII вв.^{*}, хотелось

^{*} Здесь нельзя пройти мимо выдержавшего уже шесть изданий учебника Р. Солсо «Когнитивная психология» [29], глубиной подхода и неиссякаемым оптимизмом напоминающего слова популярной в определенных кругах песни: «Тренажер, массажер, ни к чему ухажер, На душе должен быть позитив и мажор» (О степени безответственности автора наглядно говорит, например, следующий пассаж: «Анализируя древнеегипетские иероглифические тексты, можно сделать вывод о том, что, по мнению их авторов, знание локализовано в сердце, – представление, разделяемое ранним греческим философом Аристотелем, но не Платоном, который считал, что знание находится в мозге» [30]). Автор с самого начала вводит понятие информации как ключевое для когнитивной психологии и пронесит его сквозь весь курс, завершая книгу главой, посвященной искусственному интеллекту, а последнее предложение книги звучит так: «Компьютерный мозг с вычислительной мощностью человеческого мозга может появиться к 2020 году», что представляется достойным ее завершением.

бы проиллюстрировать сложившуюся ситуацию на менее очевидном примере – весьма популярных сейчас исследованиях мышления животных.

В качестве примера обратимся к обобщающей многочисленные исследования по зоопсихологии и элементарному мышлению животных книге З.А. Зориной и И.И. Полетаевой [31], заметив при этом, что сформулированная в нем позиция характерна для большинства как отечественных, так и зарубежных работ в данной области. «Способность в новых ситуациях решать незнакомые задачи, для которых нет готового решения» (психологическая парадигма), и «способность к обобщению и абстрагированию в виде формирования довербальных понятий и оперирования символами» (философская парадигма) объявляются авторами учебника двумя равноправными способами исследования элементов мышления у животных [32]*. Такая терминологическая и методологическая эклектика приводит затем к существенным абберациям при истолковании конкретных фактов.

В частности, по утверждению авторов, «способность к высшим степеням абстрагирования свойственна не только человекообразным обезьянам, но и представителям других отрядов млекопитающих (дельфины), а также некоторым видам птиц (врановые, попугаи)» [34].

Для аргументации этого утверждения они говорят о формировании у позвоночных «довербальных понятий» [35], которые связаны с появлением абстрактных мысленных представлений, «благодаря чему результат операции существует в отвлеченной (хотя и невербальной) форме» [36]. В качестве одного из примеров, иллюстрирующих образование такого понятия, авторы приводят следующий эксперимент. Шимпанзе научили выбирать большие по площади геометрические фигуры (сформировали обобщение по признаку «больше по величине»), а затем добились переноса навыка на правило выбора «больше по числу» (выбиралось то из множеств, на котором было большее число точек). Отсюда делалось заключение, что у животного сформировалось довербальное понятие «больше вообще» [37], т.е. существ-

Неадекватность представления о «довербальных понятиях» и его философские истоки

* Следует заметить, что перед этим авторами предлагается предельно размытое и допускающее прямо противоположные толкования определение мышления: «Мышление – это опосредованное и обобщенное отражение действительности, в основе которого лежит произвольное оперирование образами и которое дает знания о наиболее существенных свойствах, связях и отношениях между объектами окружающего мира» [33].

вание абстрактного мысленного представления «больше»*.

Попробуем восстановить до конца последовательность неявно осуществляемых при этом утверждений. Возникновение невербального понятия «больше» предполагает, что из множества признаков (форма, цвет, размер и др.) приматы выделяют характеристику величины и осуществляют операцию сравнения по величине (A больше B), затем считают предлагаемые во второй части эксперимента множества предметов и переносят освоенное ими абстрактное понятие «больше» на числа («больше по числу»). Само описание предполагает, что процесс анализа осуществляется вне непосредственного контакта с внешней средой, лишь поставляющей первичную информацию, и действия животного в данной модели вполне сопоставимы с действиями компьютера.

Однако подобная модель никак не вытекает из данных наблюдений и не имеет, кажется, никаких других оснований, кроме неявного груза предшествующей философской традиции. Если исходить из описанного выше подхода гештальт-психологов, то разумнее говорить не об анализе, не об абстрактном расчленении объекта, а восприятии некоторых целостностей, которые нельзя свести к абстрактной совокупности признаков. И предлагаемые геометрические фигуры, и предлагаемые затем множества точек воспринимаются как целостные образования, обладающие определенным сходством, не объяснимым рационально, но постижимым интуитивно, путем инсайта, имеющего крайне сложную, многоуровневую аффективно-когнитивную структуру**.

* В предложенном объяснении узнаются следы теории фантазмов (довербальное понятие формируется путем очищения восприятия от конкретного эмпирического опыта, а затем обработки фантазма активным интеллектом и образования концепта) и локковской концепции, т.е. вошедшие в плоть и кровь европейской культуры философские когнитивные модели.

** Практически все примеры, в которых можно более или менее адекватно реконструировать ход и условия эксперимента, приводимые в этой и других работах, посвященных мышлению животных, страдают подобным редукционизмом (см., напр.: [38]). В качестве еще одного крайне показательного факта можно привести утверждение о способности приматов и ворон к транзитивным заключениям («если $A=B$ и $B=C$, то $A=C$ », или «если A обладает более высоким статусом, чем B , а B – чем C , то статус A выше чем статус C ») [39]. Показательным дополнением к подобного рода характеристикам являются данные Ж. Пиаже, который утверждает, что осознание принципа транзитивности наступает у ребенка к 7–8 годам [40]. За разницей трактовок стоит разница в терминологии. Для Ж. Пиаже освоение принципа транзитивности предполагает произвольное его использование в любой ситуации, вне зависимости от контекста, для указанных >>

В пользу предлагаемой трактовки говорят многочисленные эксперименты с грудными детьми*, итог которых можно сформулировать следующим образом: процесс категоризации у младенцев идет не от конкретного к абстрактному, посредством отбрасывания вторичных признаков и выделения наиболее существенных характеристик, а, наоборот, от абстрактного к конкретному, путем наделения смутной и неоформленной реальности разнообразными чертами, делающими ее профиль все более и более отчетливым**.

К тому же выводу ведут и данные Р.М. Фрумкиной о принципах классификации и сопоставления объектов взрослыми людьми, перед которыми не ставится специфической научной задачи и которые находятся в естественной для них среде, – здесь тоже основными становятся операции с целостностями, при которых целое не дробится на составные части, но воспринимается как единство, именно в таком статусе включенное в ситуационный контекст***.

Рассогласование методологии и эмпирии в психологии мышления

Зоопсихологи часто сетуют на ученых из других областей, не реагирующих на обширный массив экспериментальных данных и ультимативно отрицающих наличие у животных когнитивных способностей, но, к сожалению, их аргументация в целом исходит из тех же методологических предпосылок, что и у их противников, поэтому оказывается малопродуктивной. Действительно, животные лишены способности мыслить силлогизмами, но формальная логика отражает тип мышления, который оказывается не единственно возможным и, более того, не определяющим и для человека. Отсутствие корректных когнитивных моделей в значительной степени обесмысливает собранный зоопсихологами экспериментальный материал.

>> авторов – использование его в какой-нибудь ситуации или в небольшом наборе частных ситуаций, не предполагающее возможности пояснения своих действий. Терминологическая некорректность утверждений З.А. Зориной и И.И. Полетаевой кажется очевидной.

* Описание этих экспериментов см. в [41].

** См.: [42], хотя трактовку данных самим автором не всегда можно признать терминологически корректной. Замечу, что и представление об абстрактном и конкретном, и сам ход движения от абстрактного к конкретному оказываются здесь близкими главным интенциям гегелевской философии, которая задает в данном случае вполне конструктивную модель для описания мышления. Эта позиция выражена, например, в классической работе Г.В.Ф. Гегеля «Кто мыслит абстрактно?» [43].

*** «Операции с целостностями – это специфически человеческий (в противовес «машинному») способ сравнения объектов для установления сходства или тождества между ними» [44].

Интерпретация
наличия сознания
у животных

Сказанное выше можно отнести и к рассуждениям о наличии сознания у животных, их способности «абстрагировать понятие собственного Я», «поставить себя на место другого» [45] или к утверждениям о совершаемом ими преднамеренном обмане, об их чувстве юмора и т.д. [46].

Для корректного описания приводимых наблюдений кажется конструктивным предлагаемое некоторыми исследователями разграничение между «Я» как агентом действия и «Я» как субъектом действия, обладающим собственными репрезентациями, собственным внутренним миром, а также обозначение различия между способностью к ситуационному и способностью к антиципирующему планированию [47]. Так, часто утверждение о наличии сознания у животных подтверждается фактом их узнавания себя в зеркале [48]. Однако кого при этом узнает обезьяна? Себя как существо, обладающее характерным внешним обликом и способное совершать определенные действия, или себя как существо с уникальным внутренним миром, уникальным «Self»? Кажутся вполне уместными утверждения Е.А. Сергиенко: «Узнавание себя в зеркале или по фото требует репрезентации собственного тела, а не собственного психического. Критический шаг в эволюции самосознания – осознание себя не только как телесного агента, но и как агента с внутренними репрезентациями... Перейти от уровня агента к уровню субъекта даже самые умные животные не в состоянии» [49]*.

Трактовки исследований способности животных к освоению языка

Особо следует остановиться на сюжете, связанном с обучением приматов языку. В этой области получены крайне интересные результаты, но и методологические основания экспериментов, и их интерпретация отсылают к дискретной механистической трактовке языка и мышления, имеющей свои основания в рационалистической философии**. В рамках такого подхода язык представляет собой семиотическую систему, элементы которой осмысляются по модели треугольника Фреге: знаки выступают как посредники между денотатом (объектом внешнего мира) и десигнатом (мысленным образом, понятием), а также находятся в определенных

* Ср.: «Шимпанзе, закрывающий рот, чтобы не сообщить о найденном банане, осуществлял обманное действие на основе планирования собственного поведения и поведения сородичей, но не на основе понимания внутреннего мира сородичей. Приматологи не видят этих различий» [50].

** Такое понимание языка до сих пор остается доминирующим в базовых теоретических моделях лингвистической семантики. См.: [51].

Процесс формирования значения слова – конкретизация предельно общих образов

«Комплексный» характер освоения языка

синтаксических отношениях друг с другом. Первоначально знак соответствует конкретному предмету или конкретному действию, на котором происходит научение, а использование знака в другой ситуации говорит о наличии у животных способности к символизации, подтверждает формирование мысленных представлений о предмете [52]. Более того, приматы оказываются способными использовать слова в переносном значении*, а также составлять слова в предложения, используя элементы синтаксиса [54].

Еще раз отметим, что интерпретация приведенных наблюдений опирается на механистическую модель овладения человека языком, заимствованную из рационалистической философии XVII века, и в значительной степени выглядит как недоразумение. Экспериментальные исследования по формированию представлений об объектах окружающего мира у младенцев показывают, что эволюция таких представлений происходит посредством конкретизации предельно общих и неоформленных образов, а не путем переноса значения с одной конкретной ситуации на другую. Так же, через все большую конкретизацию и уточнение границ, формируется и значение слова [55]. Общие основания для понимания данного процесса дает уже описанная выше оппозиция «мышление в комплексах» – «мышление в понятиях». Принципиальное отличие одного типа мышления от другого состоит не в способности употреблять слово в новой, еще не известной ситуации (в частности, в «переносном» значении), а в умении не употреблять его там, где это не требуется, четко удерживать границы понятия.

В качестве иллюстрации «мышления в комплексах» можно сослаться на приведенное в одной из работ описание включенного наблюдения за семантической эволюцией слова *бати*: «У ребенка Вари П. (наблюдения за период от 1 года до 1 года 3 месяцев) слово бати («ботинки») было одним из первых. Вначале так называлась любая обувь. Повторяясь в лепете, слово приобрело форму батиба (из бати-бати-бати-бати). Ботинки надевают, когда идут гулять, поэтому бати (батиба) означает еще и “гулять”. Когда кто-то ушел, он надел бо-

* Классический пример, приводимый Гарднерами, а потом повторяемый во множестве работ, – использование шимпанзе Ушо знака «грязный» «в переносном смысле» (не в значении «запачканный», а как ругательство – «грязный Джек» (по отношению к служителю, долго не дававшему ей пить), «грязный кот» (бродячий кот), «грязные обезьяны» (гиббоны) и т.д.). См.: [53].

тинки (как делает сама Варя), поэтому бати (батиба) означает “уйти”. “Уйти” — это перестать быть видимым, поэтому титоки бати (т.е. “цветочки” — “ботинки”, “цветочки” — “яркие пятнышки”) имеет смысл “пятнышки перестали быть видны” (закрыты книгой)» [56]*. Этот «комплексный» характер освоения языка не принимается во внимание приматологами**.

Видимо, аналогично обстоит дело и с использованием синтаксиса: измененные конструкции просто воспринимаются как разные структуры, а очевидное для людей семантическое сходство совершенно не очевидно для приматов.

Итак, выявляя уровень овладения языком приматами, исследователи делают акцент не на тех параметрах. Важно не столько то, как переносят приматы (и другие позвоночные) значение слова с одной ситуации на другую (это естественный процесс, свидетельствующий об эволюции комплекса), сколько их умение не употреблять слово в «провокационных» ситуациях, т.е. осознавать его семантические границы. Степень осознания этих границ и является одним из важных показателей способности к понятийному мышлению.

Направления эволюции базовых психологических моделей

В заключение обозначим общие направления, в которых происходит развитие обозначенных в первой части статьи психологических парадигм.

Развитие идей культурно-исторической психологии в современной психологии мышления

А) Первое из этих направлений развивает идеи культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и связано с исследованием влияния социокультурного окружения на структуру и протекание когнитивного акта. Здесь надо упомянуть классическую работу А.Р. Лурии «Об историческом развитии познавательных процессов» по материалам его экспедиции 1930-х годов в отдаленные кишлаки Узбекистана и Киргизии [58], и находящиеся в заданном ей проблемном поле исследования М. Коула [59], П. Тульвисте [60], В.Н. Романова [61], Р.М. Фрумкиной [62], основные идеи которых можно сформулировать в следующих тезисах:

* Следует заметить, что по подобной «комплексной» модели развивается и повседневный язык, на котором мы говорим, только в нем этот процесс растягивается не на месяцы, а на десятилетия или столетия [57].

** Если транслировать логику формирования значения слова «грязный» на этот пример, можно восхититься, насколько виртуозно ребенок использует «переносные значения» слова.

- мышление человека определяется задачами, которые ставит перед ним его природное и социокультурное окружение;

- можно выделить два типа социокультурных задач, порождаемых симпрактическим и теоретическим типом деятельности. Первый из них вырастает из повседневного опыта, связанность с которым задает когнитивные границы для задач симпрактического типа («Мы говорим только то, что видим; того, что мы не видели, мы не говорим» – эта фраза одного из дехкан в экспериментах А.Р. Лурии удачно характеризует доминирующую здесь установку); теоретический тип деятельности предполагает абстрагирование от ситуационного контекста и оперирование с объектами особых теоретических пространств, где базовые категории и базовые отношения между ними получают свой, отличный от повседневного смысл (математика, физика, философия и т.д.);

- отмеченное различие в когнитивных подходах связано не с антропологическими особенностями носителей теоретической и симпрактической культур, а со спецификой стоящих перед этими культурами когнитивных задач. Пройдя необходимое обучение, представитель симпрактической культуры оказывается способным адекватно реагировать на поставленные перед ним теоретические проблемы, а носитель теоретической культуры, в свою очередь, в быту использует когнитивные стратегии, опирающиеся на повседневный опыт, и лишь когда задача требует явного подключения теоретического регистра, он использует алгоритмы, основанные на абстрагировании от ситуационного контекста.

«Социальный язык» и дискурсы

Другое направление развития позиции Л.С. Выготского состоит в расширении представлений о значении и введении в теорию значения социокультурной составляющей. Здесь идеи Л.С. Выготского дополняются идеями М.М. Бахтина, и значение рассматривается как сложная гетерогенная структура, включающая в себя культурный, исторический, институциональный контексты. Такая позиция развивается, например, в работах Дж. Вертча [63]. Вводя понятие «социального языка», Дж. Вертч, осознанно или неосознанно, реагирует на процессы, происходящие в лингвистике и литературоведении последних десятилетий. «Социальный язык» представляет собой прямой аналог «дискурса», и «значение по Вертчу» возникает в поле напряжения, задаваемом различными дискурсами.

Образ человека как социокультурного существа

Понятия «связанность с полем», «теоретический и симпрактический типы деятельности», «социальный язык» характеризуют поиск психологией своего терминологического аппарата, позволяющего вырваться за рамки традиционных философских когнитивных схем и отразить новое представление о когнитивных процессах. За указанными категориями стоит образ человека как социокультурного существа, противоречащий просвещенческому универсализму и сближающий психологию с социологией и культурологией.

Включение когнитивных процессов в структуру личности

Б) Еще одна намеченная у Л.С. Выготского и в гештальт-психологии линия развития представлений о мышлении, опирающаяся на иной, чем это принято в классической философской традиции, образ человека, связана с включением когнитивных процессов в структуру личности, с трактовкой акта мышления как личностно значимого и потому глубоко индивидуального. Основанием для представлений такого рода становится понятие интуиции (инсайта), игравшее, как уже отмечалось, важную роль в античности и Средневековье, но затем отошедшее на периферию европейского культурного сознания. Плохо укладывавшаяся в рамки рационалистических интерпретаций, оно задает широкий спектр возможностей для максимального расширения понятийного и концептуального поля. И греческое «ноэсис», и латинское *intellectus*, как мы помним, в качестве одного из базовых значений выражают либо волю божества, либо акт прозрения, связанный с постижением этой воли. Память об этой связи сохраняется и в XX веке, привлекая внимание близких к философии жизни или вырабатывающих новые формы религиозного мировоззрения мыслителей*. Ярким представителем первого направления является А. Бергсон [64], второго – У. Джемс [65] и целая группа русских религиозных философов (Н.О. Лосский [66], Н.А. Бердяев [67], С.Л. Франк [68], А.А. Ухтомский [69] и др.). Их идеи в большей или меньшей степени продолжают оказывать влияние на современную психологию мышления. Особо следует упомянуть А.А. Ухтомского. Будучи крупным физиологом, он пытался найти для базовых философских установок продуктивное в физиологии и психологии категориальное выражение. Введенное им понятие функцио-

* Несмотря на все различие в исходных установках, в отношении к рационализму обозначенные течения оказываются близки друг другу, выражая важный мотив в европейской и русской культуре конца XIX – начала XX века.

нальных органов развивается, например, в работах В.П. Зинченко [70]*.

Следует отметить, что слабое место многих современных психологических работ указанного направления – «эссеизация» психологии, выход рассуждения за рамки экспериментального поля в область ни к чему не обязывающих экзистенциальных размышлений. Важность доминантной идеи здесь требует очень аккуратного категориального оформления.

Концепция психического как нерасчлененного единства мышления, восприятия и действия

В) Третье важное направление развития психологической идеально-типической модели мышления – разработка концепции психического, объединяющей в нерасчленном единстве мышление, восприятие и действие (выделение процесса мышления как самостоятельной реальности становится в этом случае не более чем аналитическим приемом исследователя). Понятие психического позволяет приверженцам этого подхода рассматривать когнитивное развитие как эволюционный процесс, не предполагающий принципиального разрыва между человеком и высшими формами животных. Ключевой задачей здесь становится корректная градация уровней развития психического, а базовой категорией – понятие репрезентации, объединяющее в себе когнитивную, аффективную и сенсорную составляющие**. Тогда одной из возможностей построения градации психического становится описание надстраивающихся друг над другом уровней репрезентации. Основные методологические и терминологические проблемы, возникающие в рамках данного подхода, связаны с недостаточной разработанностью понятия репрезентации, допускающего возможность весьма разнообразных, иногда прямо противоположных толкований.

Общность процессов развития психологии и физики начала XX века

Подводя итог проделанному в статье анализу, хотелось бы обратиться к ставшему уже каноническим примеру перехода от классической механики к квантовой физике начала XX века. Процесс тогда, как известно, развивался следующим образом. Сначала появились экспериментальные факты, не описываемые в рамках классической парадигмы, причем число таких фактов росло. Все попытки объяснить их с помощью незначительных модернизаций уже существующих теорий, в рамках уже освоенного методологического инструмен-

* Другим интересным шагом в указанном направлении является индивидуализация мышления в понятии когнитивного стиля [71].

** Такого рода идеи развиваются некоторыми зарубежными исследователями, работающими в рамках theory of mind, а также отдельными отечественными психологами [72].

тария, оказались безуспешными. Затем для их описания был разработан новый математический аппарат (теория дифференциальных уравнений уступила место теории операторов). И лишь потом под уже построенное здание был подведен новый мировоззренческий фундамент, связанный с иным представлением об окружающей нас реальности и способах взаимодействия с ней человека*.

Аналогичные процессы, кажется, происходят и в современной психологии мышления. Столкнувшись с новыми экспериментальными данными, психологи сначала пытались использовать для их описания выработанный предшествующей философской традицией язык. Постепенно все отчетливее вызревала необходимость трансформации этого языка, введения новых категорий, которые и начали появляться при сохранении, однако, базовых мировоззренческих парадигм. След этих парадигм мы находим у гештальт-психологов, Л.С. Выготского, Ж. Пиаже. Существенное отличие от ситуации в физике состоит лишь в том, что философские представления о мышлении обладали большим разнообразием, что оставляло возможность маневра за счет новой актуализации ставших маргинальными линий (мы видели это на примере понятия интуиции). И лишь на последнем этапе под сформированный в общих чертах терминологический ряд начинает подводиться качественно иной мировоззренческий фундамент, связанный с новым представлением о человеке. Следует заметить, что этот процесс еще очень далек от завершения.

1. *Kenny A.* The Origin of the Soul // The Development of Mind. Edinburg, 1973. P. 46–60; *Kenny A.* The Origin of Language // The Development of Mind. Edinburg, 1973. P. 91–107; *Waddington C.H.* The Evolution of Mind // The Development of Mind. Edinburg, 1973. P. 74–90.

2. *Kenny A.* The Origin of Language // The Development of Mind. Edinburg, 1973; *Kenny A.* The Origin of the Soul // The Development of Mind. Edinburg, 1973. P. 46.

3. *Waddington C.H.* The Evolution of Mind // The Development of Mind. Edinburg, 1973. P. 83.

4. *Келер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян // Основные направления психологии и

* С описанием этого процесса можно познакомиться, например, в [73].

- классических трудах. Гештальт-психология. М., 1998. С. 33–280.
5. Там же. С. 200–202.
 6. Там же. С. 268.
 7. *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М., 1987.
 8. Там же. С. 34–35.
 9. Там же. С. 278.
 10. Там же. С. 211.
 11. Там же. С. 140, 263.
 12. *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.
 13. Там же. С. 80.
 14. *Холодная М.А.* Интегральные структуры понятийного мышления. Томск, 1983; *Холодная М.А.* Психология интеллекта. СПб., 2002. С. 123–125.
 15. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта // *Ж. Пиаже.* Избранные психологические труды. М., 1994. С. 81.
 16. Там же. С. 87.
 17. Там же. С. 89.
 18. Там же. С. 89–90.
 19. Там же. С. 110.
 20. Там же. С. 59.
 21. Там же. С. 176–177.
 22. *Гуссель Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // *Вопросы философии.* 1992. №7. С. 136–176; *Гуссель Э.* Кризис европейского человечества и философия // *Э. Гуссель.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 101–126.
 23. *Глебкин В.В.* Что мы имеем в виду, говоря о кризисе культуры? // *Дискурс.* М., 2005. № 12/13. С. 23–35.
 24. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. С. 268–273.
 25. *Kuhn D., Amsel E., O'Longhlin M.* The development of scientific thinking skills. San Diego etc., 1988. P. 15–16.
 26. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Л.С. Выготский.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 5–361.
 27. Там же. С. 110.
 28. Там же. С. 356–357.
 29. *Солсо Р.* Когнитивная психология. СПб., 2006.
 30. Там же. С. 32.
 31. *Зорина З.А., Полетаева И.И.* Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2003.
 32. Там же. С. 16.
 33. Там же. С. 14.

34. Там же. С. 192; ср.: Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006. С. 78–79.
35. Зорина З.А., Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2003. С. 174–191; 174–175.
36. Там же. С. 175.
37. Там же.
38. Фирсов Л.А. И.П. Павлов и экспериментальная приматология. Л., 1982. С. 67–68; Griffin D. Animal Thinking. Cambr., Mass.; L., 1984. P. 118–185.
39. Зорина З.А., Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2003. С. 203; Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006. С. 91–92; Зорина З.А. Мышление животных: эксперименты в лаборатории и наблюдения в природе // Зоологический журнал. 2005. Т. 84. № 1. С. 143.
40. Пиаже Ж. Логика и психология // Ж. Пиаже. Избранные психологические труды. М., 1994. С. 598.
41. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М., 2006. С. 18–304.
42. Там же. С. 227–229.
43. Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? // Г.В.Ф. Гегель. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М., 1972. С. 388–394.
44. Фрумкина Р.М. Смысл и сходство // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 25.
45. Зорина З.А., Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2003. С. 230, 235; Savage-Rumbaugh E.S. Ape language. Oxf., 1986. P. 132–134.
46. Зорина З.А., Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2003. С. 230–245; Бутовская М.Л. Человек и человекообразные обезьяны: языковые способности и возможности диалога // Зоологический журнал. 2005. Т. 84. № 1. С. 153.
47. Gardenfors P. Cooperation and the Evolution of Symbolic Communication // Evolution of Communication Systems: A Comparative Approach. Cambridge, 2004. P. 237–256; Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М., 2006. С. 298–340. Ср.: Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение. М., 1992. С. 297–340.
48. Зорина З.А., Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2003. С. 225–232.

49. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М., 2006. С. 339–340. Ср.: *Savage-Rumbaugh E.S.* Ape language. Oxf., 1986. P. 603–604.
50. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М., 2006. С. 336.
51. Глебкин В.В. Критика семантического разума // Московский лингвистический журнал. Т. 10. № 2 (в печати).
52. *Gardner A.R., Gardner B.T.* Teaching Sign Language to a Chimpanzee // *Science*. 1969. V. 165. P. 667–671; *Зорина З.А., Полетаева И.И.* Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2003. С. 205–222; *Бутовская М.Л.* Человек и человекообразные обезьяны: языковые способности и возможности диалога // Зоологический журнал. 2005. Т. 84. № 1. С. 151–156. Ср.: *Savage-Rumbaugh E.S., Rumbaugh D.M., Boysen S.* Symbolic Communication Between Two Chimpanzees (*Pan troglodytes*) // *Science*. 1979. V. 201. P. 641–644; *Savage-Rumbaugh E.S.* Ape language. Oxf., 1986. P. 324–374; *Панов Е.Н.* Знаки, символы, языки. Коммуникация в мире животных и в мире людей. М., 2005. С. 349–366.
53. *Зорина З.А., Полетаева И.И.* Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2003. С. 209; *Бутовская М.Л.* Человек и человекообразные обезьяны: языковые способности и возможности диалога // Зоологический журнал. 2005. Т. 84. № 1. С. 152. Ср.: *Панов Е.Н.* Знаки, символы, языки. Коммуникация в мире животных и в мире людей. М., 2005. С. 373–374.
54. *Rumbaugh D.M., Gill T.V.* Reading and Sentence Completion by a Chimpanzee (*Pan*) // *Science*. 1973. V. 182. № 4421. P. 731–733; *Terrace H.S., Petitto L.A., Sanders R.J., Bever T.G.* Can an Ape Create a Sentence? // *Science*. 1979. V. 206. № 4421. P. 891–902.
55. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М., 2006. С. 227–230.
56. *Протасова Е.Ю.* Некоторые процессы номинации у детей // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989. С. 106–107.
57. *Глебкин В.В.* Мир в зеркале культуры. Ч. 1. Первобытная и традициональная культура, культура Древней Месопотамии, культура Древнего Египта. М., 2000. С. 14.
58. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
59. *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М., 1977; *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.

60. *Тулъвисте П.* Культурно-историческое развитие вербального мышления. Таллин, 1988.

61. *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М., 1991; *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. М., 2003.

62. *Фрумкина Р.М.* Смысл и сходство // Вестник языкознания. 1985. №1. С. 22–31; *Фрумкина Р.М.* Интерпретация смыслов: признаки и целостности // Семантика и категоризация. М., 1991. С. 128–143; *Фрумкина Р.М., Михеев А.В.* «Свобода» и «нормативность» в экспериментах по свободной классификации // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М., 1985.

63. *Wertsch J.* Voices of mind: a sociocultural approach to mediated action. Cambr., Mass., 1991.

64. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 2001. С. 149–185.

65. *Джемс У.* Многообразие религиозного опыта. СПб., 1993. С. 70–71.

66. *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С. 136–289.

67. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 96–122.

68. *Франк С.Л.* Предмет знания. Пг., 1915. С. 179–321.

69. *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. СПб., 1996; *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997; *Ухтомский А.А.* Доминанта души. Рыбинск, 2000.

70. *Зинченко В.П.* Мышление и язык. Дубна, 2001. С. 44–46.

71. *Холодная М.А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб., 2004; *Зинченко В.П.* Мышление и язык. Дубна, 2001. С. 52–53.

72. *Gardenfors P.* Language and the Evolution of Cognition. Lund University Cognitive Studies, 41. Lund, 1995; *Brinck I., Gardenfors P.* Representation and Self-awareness in Intentional Agents // Synthese. 1999. № 118. P. 89–104; *Gardenfors P.* Cooperation and the Evolution of Symbolic Communication // Evolution of Communication Systems: A Comparative Approach. Cambridge, 2004. P. 237–256; *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М., 2006. 328–407.

73. *Джеммер М.* Эволюция понятий квантовой механики. М., 1995; *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. М., 1961; *Гейзенберг В.* Избранные философские работы: Шаг за горизонт. Часть и целое. М., 2005.